

Русская исторія отъ древнѣйшихъ временъ.

Первые пять вѣковъ родной старины (862—1362 гг.). Томъ
первый. Н. М. Павловъ. Москва 1896 г.

Въ европейскихъ литературахъ существуетъ множество сочиненій, написанныхъ, какъ говорится, для большой публики. Такихъ сочиненій много по исторіи, какъ и по другимъ наукамъ. Конечно, не всякая книга, написанная, хотя бы и просто, хотя бы безъ ученаго аппарата, можетъ считаться такой популярной книгой. Писатель популярный долженъ въ особенности удовлетворять требованіямъ своихъ читателей, которые ищутъ въ назначенной для нихъ книгѣ не столько поученія, сколько удовольствія. Большинство историческихъ сочиненій нашего времени обращаютъ преимущественное вниманіе на внутренній бытъ народовъ, ихъ устройство и экономическое положеніе. Такія подробности интересны для людей, уже много читавшихъ, а тѣ лица, которыя принадлежатъ къ такъ называемой большой публикѣ, болѣе всего могутъ интересоваться рассказомъ. Книгъ съ такимъ назначеніемъ у насъ очень мало; въ этомъ небольшомъ числѣ наиболѣе извѣстна «Русская исторія» Н. И. Костомарова. Книга эта, написанная живо и хорошо, много читается,

и по своему объему наиболѣе подходитъ къ типу такихъ произведеній; но значительная субъективность воззрѣній Николая Ивановича Костомарова дѣлаетъ его сочиненіе не совсѣмъ удобнымъ руководствомъ для людей мало подготовленныхъ. Конечно, «Исторію Россіи» С. М. Соловьева никто не считаетъ популярной книгой. Я съ своей стороны полагаю, что и Исторія Россіи Д. И. Иловайскаго можетъ быть съ пользою прочитана только людьми, уже знакомыми съ главными фактами русской исторіи. Несмотря на многія блестящія страницы (описаніе Константинополя, дворъ Владимира и Ярослава, борьба со степью, Куликовская битва и многое другое), несмотря на литературное изложеніе сочиненіе это не можетъ назваться популярною книгою. Съ болѣшимъ правомъ это названіе можно бы отнести къ «Древней Русской исторіи» Погодина, еслибъ она отличалась ровностью изложенія, и еслибъ не существовало второго тома, въ которомъ нѣсколько безъ системы и скучновато изложенъ внутренній бытъ Кіевскаго періода, да и самое изложеніе исторіи отдѣльных княжествъ, нужное и приличное въ сочиненіи съ характеромъ болѣе ученымъ, чѣмъ популярнымъ, совсѣмъ не нужно въ сочиненіи популярномъ. Не говоримъ ужъ о книгахъ, написанныхъ для чтенія дѣтей и вообще воспитанниковъ учебныхъ заведеній: онѣ то слишкомъ кратки, то отрывочны.

Прочитавъ книгу, заглавіе которой выписано выше, я пришелъ къ тому убѣжденію, что, несмотря на ея обширный объемъ (первый томъ доходитъ только до смерти Андрея Боголюбскаго), книга эта наиболѣе удовлетворяетъ цѣли популяризованія историческихъ знаній. Въ живыхъ и яркихъ образахъ проходятъ передъ читателемъ главные дѣятели древней Руси. Въ особенности нельзя не остановиться на Владимірѣ Мономахѣ, Юріи Долгорукомъ (который впрочемъ нѣсколько идеализированъ) и Андреемъ Боголюбскомъ. Самое изложеніе автора невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе: книга написана языкомъ оживленнымъ, вполне доступнымъ и близкимъ къ разговорному языку. Читатель, наименѣе подготовленный, не найдетъ въ ней ничего

такого, что было бы ему недоступно и непонятно. Воззрѣніе автора въ общемъ заслуживаетъ полнаго одобренія. Его цѣль показать ясно и просто, какъ возрастало русское государство. Строгая критика, быть можетъ, остановится на томъ, что авторъ, подобно Карамзину, не настаиваетъ на различіи временъ Варяжскихъ и Кіевскихъ отъ Владимірскаго, хотя и сознаетъ, что собственное русское государство начинается во Владимірѣ. Онъ полагаетъ даже, что Юрій былъ то же, или почти то же, что и Андрей. Въ Юрії онъ видитъ такого же самовластителя, какимъ былъ его сынъ, стараясь объяснить стремленіе Юрія на югъ причинами болѣе или менѣе случайными. Слова нѣтъ о томъ, что государственная идея не вдругъ зародилась, что она была подготовлена долгимъ процессомъ, что въ особенности превосходно объяснено въ сочиненіи М. А. Дьяконова: «Власть Московскихъ государей». Тѣмъ не менѣе различіе періодовъ должно было бы быть обозначено болѣе ясно. Впрочемъ для цѣли, для которой должна служить книга Н. М. Павлова, вопросъ этотъ болѣе или менѣе второстепенный. Пусть читатель не упускаетъ изъ виду красную нить, проходящую черезъ всю русскую исторію, т. е. созданіе и укрѣпленіе твердой центральной власти. Мы бы желали встрѣтить въ занимающемъ насъ сочиненіи побольше указаній на то, что и въ Кіевскій періодъ сознаніе единства русской земли, хотя и безъ сознанія важнаго значенія центральной власти, было довольно замѣтно: и въ словахъ лѣтописи, и въ лампадѣ Даніила Паломника нельзя не видѣть этого сознанія.

«Русская исторія» Н. М. Павлова представляетъ собою, главнымъ образомъ, рассказъ событій, преимущественно государственныхъ и отчасти церковныхъ (о Θεодосіи говорится очень мало). Нѣтъ ни изображенія государственнаго устройства, ни экономическаго положенія страны, что впрочемъ, съ той точки зрѣнія, на которой мы встали вначалѣ, не составляетъ недостатка. Впрочемъ быть можетъ, что авторъ далѣе займется этими отношеніями, тогда мы пожалѣемъ о томъ, что онъ не